

Глава 8. Многоликость исламизма

8.1. О типологиях исламистских направлений

Многоликость исламизма. Итак, исламизм многолик. При этом многоликость не появилась относительно недавно, но во многом происходила от разных трактовок роли ислама в обществе в трудах исламских мыслителей в XIX и начале XX столетия. Эти трактовки часто были взаимоисключающими¹. Действительно, очень сложно в условиях сосуществования множества направлений определить, что такое истинный ислам, что он включает в себя, его суть и природу, а самое важное, может ли кто-то утверждать, что он олицетворяет ислам. Неудивительно, что интеллектуальные войны усилились (Osman 2016: xi). Однако важно отметить, что, несмотря на указанную борьбу идей, отторжение радикального исламизма в духе ИГ наблюдается у многих умеренных исламистов, которые пытаются отмежеваться от его эксцессов. Так или иначе, в рамках исламизма сосуществует множество враждующих между собой направлений. Поэтому нередко худшие враги исламистов – это другие исламисты. И именно в создании условий для их раскола, на наш взгляд, можно видеть наиболее прагматичную и обещающую успех политику.

Умеренный исламизм в ряду других видов исламизма. Невозможно сколько-нибудь полно сказать в одной главе о разных направлениях даже умеренного исламизма. Поэтому мы ограничимся только некоторыми замечаниями.

Во-первых, важно понимать: из-за того, что все внимание СМИ приковано к террористическому исламизму, умеренный исламизм часто остается в тени. «Ваххабитский ислам приковал к себе внимание мировой общественности через страх и террор. Напротив, ту-

---

¹ В частности, Тарек Осман (Osman 2016: ix) пишет: «Результатом стал широкий спектр подходов к исламу: одни активно призывают к применению определенных толкований ислама в политической и социальной жизни, другие выбрали более упрощенный подход. Одни учения обратились к ранней истории ислама... Другие что-то изобрели, пытаясь по-новому определить возможности приложения ислама к своим обществам и деликатно утверждая, что все принятые в мире интерпретации ислама (доминировавшие в мусульманском мышлении в последние столетия) не могут направить и тем более регулировать современные общества. Некоторые мыслители пошли еще дальше и попытались дать новое определение самому исламу».

рецкий и индонезийский ислам, удачно сочетающий религиозность с современными демократическими и светскими императивами глобальности, не получает должного внимания», – справедливо замечает Невзат Согук (Soguk 2010: 3). В начале данной части мы уже обсуждали различия между умеренным и радикальным исламом.

Во-вторых, помимо деления на умеренный и радикальный исламизм, также встречается и деление на государственников и негосударственников. Первые (главным образом представители исламистских партий) взаимодействуют с другими социальными и политическими силами, что способствует достижению консенсуса в национальной политике. Вторые (от самых спокойных салафитов до вооруженных джихадистов) ставят религиозное сообщество превыше национальной политики и напрямую зависят от взаимодействия между исламистами-государственниками и государством; им выгодны провалы в демократическом построении консенсуса в национальной политике (Volpi, Stein 2015). В целом очевидно, что исламисты-государственники – в основном умеренные исламисты, которые должны принимать правила игры на политическом поле и действовать легально. Исламисты-негосударственники – это те, кто не желает участвовать в политических выборах или делах официально и по правилам, оппозиционеры ближе к радикалам. Кроме того, первые способны рассматривать возможность сближения национализма и исламизма, а вторые – с трудом. Хотя нам не кажется, что такое деление продуктивно, но, во-первых, важно, что авторы объединяют и тех и других под общим термином «исламисты», а во-вторых, они показывают, что умеренные исламисты (государственники) могут внести вклад в стабилизацию и развитие обществ, когда взаимодействуют с другими политическими силами, и напротив – когда конфликтуют с ними, это ведет к негативным последствиям. Исламисты-государственники (главным образом представители исламистских партий) могут способствовать стабилизации и демократизации государства, наладив взаимодействие с другими социальными и политическими акторами. С другой стороны, если это взаимодействие построено на конфликте, то оно оказывает разрушительное воздействие как на исламистов-государственников, так и на возможность проведения демократической национальной политики (*Ibid.*)².

² Когда исламистские партии работают в рамках многопартийной системы, что сопровождается ростом гражданских свобод, как происходит в Тунисе, это мо-

Иногда типологию исламистов усложняют. В частности, Камран Бокари и Фарид Сензай (Bokhari, Senzai 2013) делят их на «соучастников», «отвергающих» и «кондиционалистов». Кроме того, турецкая Партия справедливости и развития является «светской партией» и рассматривается с точки зрения особой категории «постисламизма». Трудно сказать, насколько продуктивно такое деление. Однако мы согласны с заключительными выводами авторов, что «исламисты сыграли и продолжают играть решающую роль в ближайшие годы и десятилетия, пока в регионе происходят процессы демократизации» (Там же: 185).

8.2. Радикализм и терроризм

Несомненно, террор и терроризм ужасны и не имеют оправдания. Очевидно также, что стремление некоторых исламистских фанатиков в буквальном смысле сокрушить Запад и вернуться к обычаям, существовавшим более тысячи лет назад, уничтожая всех, кто сомневается в необходимости этого, многих особенно страшит. Поэтому «многочисленные социальные слои по всему Ближнему Востоку часто категорически отвергают исламизм» (Osman 2016: xix). Однако об исламском терроризме написано так много, что сложно сказать что-то новое, и мы не видим смысла повторяться. Поэтому в данной главе, напомним, мы не будем сколько-нибудь подробно касаться проблемы терроризма (некоторые сведения о нем даны в Части II), ограничимся только некоторыми замечаниями на эту тему, кажушимися нам важными.

Несколько замечаний о терроризме. Прежде всего отметим, что не существует общепризнанного определения терроризма. В частности, Паоло Касака в своей статье пишет: в докладе Комитета экспертов по радикализации Европейской комиссии говорится, что «существуют сотни определений терроризма» (Casaca 2017a: 31). Поэтому мы не собираемся углубляться в нюансы данной формулировки. Достаточно использовать формулировку из *Глобальной базы данных о террористических актах*, которая представляется вполне уместной в рамках настоящей монографии: «...угрожающее или фактическое использование незаконной силы и насилия

жет способствовать демократической консолидации и стабильности, а также укреплению государственного управления. Насильственное устранение исламистских партий, как это случилось в Египте после переворота 2013 г. и запрета «Братьев-мусульман», приводит к обратным результатам (Volpi, Stein 2015: 290).

со стороны негосударственного субъекта для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» (Global... 2016: 9).

Далее. Рассматривая терроризм как общемировой феномен, нельзя не отметить, что это орудие слабых против сильных, меньшинства против большинства. Важно понимать, что радикалы – все же меньшинство в любом обществе, даже если им удастся вести его за собой. Между тем современные средства массовой информации являются в целом невольными союзниками террористов.

Второе. Исламизм имеет тенденцию к радикализации при изменении ситуации. Всегда можно ожидать такого рецидива. (Osman 2016: xix). Иногда исламизм (как и любое другое течение) видоизменяется на новой почве, в частности в Европе. Общеизвестно, что здесь он порой получает новые идеи и становится особенно радикальным (*Ibid.*: 245). Однако мало кто знает, что в Европе же исламизм начинает довольно часто модернизироваться в устраивающем всех направлении (см. об этом ниже).

Третье. Рассмотрим теперь вопрос о социальной базе радикального, террористического исламизма. Среди приверженцев объяснений психологической обусловленности терроризма есть базирующиеся в своих выводах на суммарных сведениях, из которых становится очевидным, что большинство участников террористических актов отличались невежеством, малограмотностью, глупостью или подверглись «промыванию мозгов» (см. об этом: Джанаби 2015: 54–55; Вуман 2005; 2007; 2011).

По оценке Аль-Кардави, главной причиной экстремизма и нетерпимости является отсутствие образования (см.: Achilov, Sen 2017: 618). Мы полагаем, что это все-таки упрощение. Разумеется, «промывание мозгов» всегда присутствует в тоталитарных группах и идеологиях. И среди последователей имеется определенное число малограмотных и недалеких людей, готовых поддаться внушению. Однако, во-первых, имеются данные и о том, что для членов террористических группировок в некоторых странах характерен более высокий уровень образования, чем наблюдается в среднем для этих стран. Во-вторых, можно упомянуть, например, социально-демографический анализ, представленный Ч. Расселом и Б. Миллером (Russell, Miller 1977), которые сделали вывод о том, что среди руководителей исламистских, в том числе и радикальных, групп много молодых и образованных (нередко по-западному

образованных) людей. А. Крюгер и Ж. Малечкова (Krueger, Maleckova 2003) также отмечают, что члены военного крыла «Хезболлы», а также палестинских террористических групп довольно высокообразованны. Исследователи, проанализировав 350 биографий террористов из различных организаций по всему миру в период между 1966–1976 гг., пришли к выводу, что они имеют достаточно высокий уровень образования. Есть несколько других исследований такого рода. В частности, Клод Берреби (Berrebi 2007), анализируя биографии членов «Хезболлы» с 1980 по 2002 г., обнаружил, что более высокий уровень образования увеличивает вероятность стать террористом (однако события последних лет ставят под сомнение роль «Хезболлы» как определенной террористической организации). В-третьих, мы уже говорили, что часть умеренных исламистов могут перейти на сторону радикалов при некоторых условиях, как это случилось среди египетских «Братьев-мусульман» после свержения президента М. Мурси (а среди них было много хорошо образованных людей). В-четвертых, согласно этой логике, наибольший подъем терроризма должен был приходиться на 1960–1970-е гг., когда неграмотность в исламских обществах (равно как и бедность) была существенно более распространена, чем сегодня, однако это не так.

Напротив, рост терроризма связан с ростом грамотности и образованности, поскольку такие движения не могут существовать и развиваться в малограмотных обществах. Они поднимаются в модернизирующихся обществах, где уровень грамотности растет, но в целом общества еще остаются недостаточно образованными, с большой разницей в этом плане между различными группами населения. Иначе говоря, терроризм связан с ситуацией промежуточной грамотности социума, тогда как дальнейшее развитие школьного образования связано со значительной тенденцией к снижению террористической активности (см.: Акаев и др. 2017; Васькин и др. 2018). Д. Ачилов и С. Сен провели сравнительное исследование умеренного и радикального исламизма, в том числе и в отношении различий в социальных характеристиках их приверженцев. И мы согласны с их выводом, что политически умеренные мусульмане чаще имеют более высокий уровень образования и более активны в гражданском обществе и что более высокий уровень образования, социального статуса, соответствующего социального капитала и вовлечение в политическую деятельность также коррелируют с

поддержкой умеренных взглядов (Achilov, Sen 2017: 618). Все это дает некоторую надежду, что постепенно с ростом образованности и благосостояния терроризм все же пойдет на убыль, хотя полной уверенности в этом нет. Например, грамотность в Ирландии была высокой, но это не помешало терроризму свирепствовать там десятилетиями. Вспомним, что и среди русских народников-террористов преобладали именно образованные люди. Поэтому, на наш взгляд, главным союзником в борьбе с террором может быть умеренный исламизм при правильной политике в отношении него.

Четвертое. С развитием жизни, технологий, средств информации, а также уровня образования очевидно, что меняется и сам терроризм. Нет смысла подробно исследовать это в настоящей работе, но и забывать об этом тоже не стоит. Соответственно, с подъемом исламизма в 1990-е гг. стало укрепляться представление о появлении террора нового вида³.

Факторы, способствующие и препятствующие росту терроризма. Наконец, в заключение данного параграфа стоит кое-что сказать о месте радикального исламизма в общем течении исламизма и жизни исламских обществ.

Есть мнение, что исламистский радикализм подобен злокачественному образованию, которое возникло в силу несистемного по отношению к мусульманскому миру воздействия, а именно – детонации кризисной ситуации, сложившейся вследствие сочетания уникальных экономических и политических обстоятельств в одном месте (Ближний и Средний Восток) в одно время с феноменальной спецификой ислама (Левин 2014: 108). Разумеется, стечение обстоятельств имело известное влияние (и выше мы об этом уже говорили). В частности, обретение нефтяного богатства во многом «оплодотворило» и радикальный ислам. Однако правильнее рассматривать феномен радикального исламизма шире.

---

³ Паоло Касака (Casaca 2017b: 33) указывает, что об этом заговорили начиная с 1990-х гг. Среди тех, кто занимался этой проблемой, У. Лакёр (Laqueur 1999) ввел термин «новый терроризм», Б. Хоффман (Hoffman 1998) использовал два понятия: «современный терроризм» и «новый терроризм», а Ж. Кепель (Kerel 2000) одним из первых употребил термин «джихад» для обозначения нового вида терроризма. Дж. Гирсон (Gearson 2002), возможно, был наиболее продуктивным в этом плане, поскольку он установил различия между современным терроризмом (1970–1980-е гг.), супертерроризмом (1990–2000-й гг.) и постсовременным терроризмом (после событий 11 сентября 2001 г.), он также предсказывал начало «новой эпохи терроризма».

Радикализм, по нашему мнению, – это неотъемлемая часть широкого течения, неприятное и опасное, но естественное ответвление в развитии исламизма. Любое учение имеет радикальное крыло. Поэтому задача состоит в том, чтобы создавать как можно меньше условий для роста радикализма. Между тем разрушение прочных (пусть и авторитарных) режимов под флагом установления демократии является одним из важнейших условий для роста радикализма и терроризма. Таким образом, необходимо выбирать союзников в борьбе с радикализмом. Именно такими союзниками, пусть временными, и могут стать авторитарные режимы. Попытки установления демократии в странах с неокрепшей государственностью (каковой была, например, Ливия) путем вооруженной революции, интервенции и свержения правительства однозначно ведут к разгулу терроризма, равно как и попытки установить социальную республику в таких странах, как Афганистан (что пытался сделать Советский Союз). Вторжение в Ирак породило ИГИЛ. Другим фактором, способствующим росту терроризма, является стремление использовать такие организации в геополитических целях. Как уже было сказано, «Ал-Каида» стала продуктом опоры американских спецслужб на террористические группы в борьбе с советским присутствием в Афганистане.

Т. Осман (Osman 2016) рассматривает в качестве главного в исламских обществах секуляристско-исламистский конфликт. В общем плане это верно. Однако, на наш взгляд, переход к секуляризму и его победе гораздо более вероятен через умеренный исламизм, то есть через сотрудничество с ним. И если считать, что радикальный исламизм – это результат нарушения порядка в обществах, то надо любой ценой этот порядок удерживать. Следовательно, проблема состоит в выборе не между авторитарностью и демократией, а между светским авторитарным режимом и радикальным исламизмом. Поэтому крайне важно понимать, что радикальный исламизм можно победить (ослабить) в настоящих условиях только на поле собственно исламизма, поддерживая умеренную и законопослушную его версию и сотрудничая с ней там, где это возможно.

Относительно демократии в арабском мире в целом превалирует идея о необходимости ее внедрения. События Арабской весны, правда, несколько отрезвили тех, кто стремился к скорейшему установлению демократии, поэтому раздаются более разумные голоса. С одной стороны, нельзя стать жертвой западной одержимо-

сти демократией, а с другой – нельзя допустить, чтобы ближневосточная демократия «не имела никакого значения» или значила бы меньше, чем в других частях мира (Dalacouga 2015: 420). Однако, ни в коем случае не говоря, что ближневосточная демократия «не имеет значения», мы подчеркиваем, что путь к ней лежит в первую очередь через сотрудничество с умеренным исламизмом, даже если какое-то время его представители могут получать большинство голосов. А если в таком случае существует опасность проникновения во власть более радикальных исламистов, то, на наш взгляд, авторитарные режимы предпочтительнее этой опасности. Из двух зол это все-таки меньшее.

И в заключение можно задать вопрос: в чем историческое значение исламистского радикализма? Очевидно, что он не может стать победоносной идеологией на широком фронте, поскольку, как и любое радикальное учение, не приспособлен к практическим потребностям. По нашему мнению, его историческая роль негативна. Он отторгает от себя (постепенно, хотя и медленно) большинство мусульман терроризмом и отрицанием множества важных вещей, вынуждает Запад более осторожно общаться с исламом, постепенно заставляет искать особые пути интеграции исламских стран в мировое развитие.

8.3. Эволюция исламизма. Постисламизм

Обострение противоречий в исламских обществах. Как уже было сказано, существует много различных трактовок основных принципов исламизма даже среди умеренных исламистов. Мы также видели, что в целом ряде стран он представлен в разных вариантах, например, в виде государственного исламизма Саудовской Аравии и других стран. В Иране, Пакистане, Бангладеш исламизм трансформируется в постисламизм. В отношении Турции и Марокко можно говорить об умеренном «демократическом исламизме» Партий справедливости и развития обеих стран, в этом ряду стоит упомянуть и тунисскую «Ан-Нахда» (о «Братьях-мусульманах» в Египте см. ниже).

Многие умеренные исламисты признают плюрализм и необходимость приспособливаться к изменениям. Среди широко мыслящих деятелей в среде умеренных можно упомянуть, в частности, модернистов – представителей рационалистического религиозно-этического и политического направления в современной исламской

мысли, которые пытаются найти баланс между традицией и реальностью жизни уммы. Так называемые «обновленцы» стремятся к преодолению отсталости мусульманских стран с помощью Запада, но с сохранением исламских традиций. В частности, они полагают необходимым адаптировать шариат к требованиям современного мира и готовы на компромиссы (см. об этих и других направлениях в исламизме: Левин 2014: 78–82).

Но в целом такие группы не являются достаточно влиятельными. Главный водораздел проходит между умеренными исламистами и радикалами, которые могут сосуществовать в рамках одних и тех же движений, например «Братьев-мусульман». Это размежевание соответствует во многом и внутреннему разделению исламских обществ. Отмечалось, что в ряде исламских обществ, в частности, в иранском, турецком, египетском, существует ярко выраженный культурный дуализм (который даже можно назвать дуализмом цивилизаций). Он несет в себе элементы неустойчивости для общества (Васильев 2017: 42; Саватеев 2006: 229–248). Действительно, налицо противоречивость компонентов общества в исламских странах, когда рядом с традиционными (или псевдотрадиционными) компонентами находятся современные (и псевдосовременные) тенденции. Как и в других (исторических) случаях модернизации, это создает напряжение в обществе и нередко приводит к его расколу. Похожая ситуация, как мы уже указывали выше, была, например, в России накануне 1917 г., когда возникло противоречие между европейскими и народными идеями.

Арабская весна стала новым всплеском такой борьбы между разными направлениями в обществе, между представителями светских течений и исламистов, равно как и среди самих исламистов. В итоге, по мнению Т. Османа (Osman 2016: xiv), возник небывалый за последние 70 лет раскол исламского общества. Победа, а затем отстранение исламистов от власти, уход последних в полуподполье и подполье показали, что возникла и существует своего рода патовая ситуация, когда исламизм и светские направления (вместе со светской властью) противоборствуют, но ни одна из сторон не может оказаться полным победителем, тем более что эти стороны занимают и разные социальные ниши. В данной противостоянии обнаруживается нечто от единства и борьбы противоположностей, составляющих единое целое. В таком единстве противоположностей, возможно, и кроется источник развития исламских обществ, но, ко-

нечно, источник противоречивый и опасный. Время от времени происходит крен то в жесткую автократию, то в радикализм.

Эволюция исламизма в разных обществах. Как мы уже неоднократно говорили, исламисты не всегда оказываются враждебно настроенными по отношению к современности, напротив, многие из них (особенно среди умеренных исламистов) являются ее сторонниками (см., например: Esposito, Burgat 2003). Если говорить об эволюции исламизма, то исследователи отмечают существенные перемены в нем за последние десятилетия (см., например: Osman 2016: 239). Прежде всего, конечно, это стремление многих групп вписаться в политический ландшафт и участвовать в выборах. При этом в ряде стран (например, в Иране или Тунисе) женщины активно участвуют в выборах и некоторые становятся депутатами парламентов. В целом, несмотря на усиление строгости в отношении одежды женщин почти во всех исламских обществах и во многих общинах вне исламских обществ, роль женщин в жизни социума повышается, а их положение постепенно улучшается. При этом важно понимать, что чем больше женщины участвуют в политической жизни, тем больше шансов на дрейф от радикального ислама к умеренному. Дело в том, что в целом исламские женщины более склонны поддерживать политически умеренный ислам, чем мужчины, даже если учитывать другие социальные параметры (например, социальную группу, образование, политическую активность) (Achilov, Sen 2017: 618).

Что касается ситуации в мусульманских общинах немусульманских обществ, то «наблюдаются интересные изменения в религиозном мышлении и практиках мусульманских женщин в США, Индонезии и Южной Африке», – пишет Т. Осман (Osman 2016: 251) и добавляет важное замечание: «...это показывает, что, освободившись от определенного культурного влияния, мусульманское мышление может обеспечить значительные успехи в сферах, которые десятилетиями и даже веками отставали» (*Ibid.*). Действительно, можно ожидать, что в странах Запада возникнут новые модернистские направления развития исламских общин и исламизма, особенно в отношении роли женщин в обществе. В любом случае эти изменения идут довольно активно. Можно отметить роль организации «Женщины, живущие по законам ислама», которая работает во многих странах с мусульманским большинством, а также особое внимание к равноправию полов (Walzer 2015: 116–117).

Как уже было сказано, хотя на слуху террористические исламистские организации и акции в Европе, но на практике там весьма заметны и движения за модернизацию ислама, которая проходит в русле приспособления мусульманской религии к западным условиям жизни путем отказа от наиболее архаичных форм исламской традиции. Социологические исследования показывают, что для европейских стран характерен более низкий уровень религиозности мусульманского населения, чем для развивающихся стран Азии и Африки (например, в Косово и России очень важна религия для 44 % приверженцев ислама, в Боснии и Герцеговине – для 36 %, а в Албании – лишь для 15 % [Горохов 2015: 37]⁴).

Примером модернизации ислама может служить реформистское движение «евроислама», получившее в последнее время большую известность. Его лидер Тарик Рамадан призывает своих сторонников активно участвовать в политической и экономической жизни Европы (Ramadan 1999). В связи с этим многие исследователи указывают на необходимость реформации в исламе (Горохов 2015: 37). Эта реформация должна приблизить мусульманскую традицию к нуждам современного мира и при этом одновременно «вновь утвердить исламские ценности, возродить веру путем обновления исламской философии и создания новой школы фикха, т. е. мусульманской юриспруденции и комплекса социальных норм» (Мирский 2003).

Таким образом, незаметно для внешнего мира наблюдается модернизация ислама в сторону западного образа жизни в общинах западноевропейских стран. Зато исследователи этих общин в Западной Европе отмечают, что исламские организации сталкиваются там с совершенно другими проблемами в плане участия в общественных дебатах... Впрочем, взгляды на интеграцию мусульман в западное общество и варианты развития ислама в европейских странах в значительной степени отличаются у разных организаций (Klausen 2007; Roy 1994), большинство из которых хорошо интегрированы в западные социальные и политические институты,

---

⁴ Впрочем, такая индифферентность к религии в Албании (понятная для постсоциалистической страны) вполне сочетается с ростом там террористического исламизма, а также с тем, что Албания становится центром джихада 2.0 – против славян в Македонии, против Тегерана, а также против Анкары (Escobar 2017). Разные течения исламизма могут присутствовать в одном и том же обществе и находить своих сторонников.

а некоторые даже стали официальными посредниками для их правительств (Campana, Jourde 2017: 2). Таким образом, большинство мусульманских организаций так или иначе вписываются в европейский ландшафт.

Но изменение положения женщин и даже своего рода феминизация политического ландшафта может происходить не только в связи с курсом на западную модель, а также в странах, где господствует исламизм, однако подчеркнем – только умеренный исламизм или постисламизм (как идеология общества, уже пережившего радикальные эксцессы). Например, Гузия Мир и ее соавтор (Mir, Khaki 2015: 74) утверждают, что «в иранском контексте существуют два феминистских течения – светский феминизм и исламский феминизм». Эти авторы отмечают, что «мусульманских женщин можно узнать по одежде, а именно хиджабу. Некоторые, возможно, предпочтут чадру, но одновременно будут протестовать против статуса женщин как граждан второго сорта. Они настаивают на более лояльной трактовке правил шариата относительно женщин, которые, по их мнению, были истолкованы много веков назад в условиях общества с доминированием мужчин» (*Ibid.*: 89).

В целом путь к равноправию женщин в арабских и исламских странах, вероятно, не является прямым. Он, скорее, пойдет не по дороге секуляризма, а будет связан с эволюцией исламизма⁵. Например, авторы статьи «Islamism, Secularism and the Woman Question in the Aftermath of the Arab Spring: Evidence from the Arab Barometer» (Fox *et al.* 2016) провели исследования в период после Арабской весны в разных странах (Египет, Йемен, Тунис, Алжир, Ливан, Судан, Иордания, Ирак, Палестина). Они обнаружили возросшую поддержку «исламского феминизма» (равноправия полов на основе ислама) в указанный период и особенно в странах, затронутых Арабской весной, в то время как светский феминизм получает все меньшую поддержку. В большинстве исследуемых стран относительно высокий уровень поддержки равноправия полов сосуществует с предпочтительно исламской трактовкой норм гражданского состояния (*Ibid.*; о понятии и практиках исламского, а также постисламистского феминизма см. также: Holdo 2017).

---

⁵ Можно испытывать недовольство по поводу появления феминистских лидеров в фундаменталистских партиях (Mernissi 2002), но если события развиваются именно таким путем, нужно пытаться его использовать.

Постисламизм. В странах победившего исламизма, таких как Иран, Пакистан или Бангладеш (которая была частью Пакистана), исламизм, естественно, отличается от такового в Саудовской Аравии или Судане. Дело в том, что он постепенно перерождается в *постисламизм*.

Термин «постисламизм» стал популярен среди ученых, занимающихся исследованием целей исламистских движений, их социальных условий и структурных возможностей (Holdo 2017: 1800), и сегодня он уже не нов (Shahibzadeh 2016). О нем заговорили в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Естественно, что нет единого определения, но все они подчеркивают умеренность постисламизма, его мягкость по сравнению с исламизмом, его связь с правами, не столь жесткую увязку с религией и в той или иной степени связь с демократией. Например, ученый иранского происхождения Азеф Байат (Bayat 2007: 19) дал следующее определение постисламизму: «...это не антиисламизм или светский *неисламизм*. Скорее, он представляет собой стремление соединить религию и право, веру и свободу, ислам и свободу выбора... Говоря кратко, если исламизм – это сплав религии и обязанностей, то постисламизм подчеркивает религиозность и право». А. Байат также указывает, что развивающаяся демократическая политическая культура и практика в этих странах рассматриваются как более мягкий вариант исламизма или постисламизм (Bayat 2007; 2013). На практике это означает, что зарождающаяся политическая система включает в себя демократические и светские идеалы и принципы в рамках «исламской системы этнических, моральных и культурных ценностей» (Hossain 2016: 214). По мнению Байата, постисламизм не может быть антиисламским или светским, но связан с секуляризацией общества/государства. Постисламизм предлагает общие принципы, объединяющие политическую реформу с религиозной. Исламистские партии смещают приоритеты в сторону вопросов меньшинств, молодежных и гендерных проблем, а также перенимают подход, основанный на правах, – вот реальные проявления постисламизма (Rana 2017; анализ постисламизма в Бангладеш см.: Hossain 2016, в Пакистане: Amin 2017). С одной стороны, несмотря на видимый интеллектуальный вклад, постисламистские движения все же не смогли трансформировать свои идеи в пользующееся успехом общественное движение (Shahibzadeh 2016), но с другой – идеи постисламизма находят вполне практическое применение в поли-

тической и повседневной жизни ряда исламских обществ, как мы видели выше.

На наш взгляд, наиболее интересный случай – это Иран. Модернизация, как и исламская реакция на светскую модернизацию, в Иране началась давно. Например, еще в 1896 г. иранский шах-реформатор Насер ад-Дин был убит последователем ал-Афгани (как мы помним, духовного отца исламизма) Мирзой Рези Кермани. Таким образом, в Иране сменилось несколько поколений исламистов. Ф. Раджайи в своей книге «Ислам и модернизм: изменяющийся дискурс в Иране» утверждает, что ориентированные на ислам иранцы демонстрируют четыре типа ответной реакции на модернизм, соотносящиеся с четырьмя поколениями в эволюции исламоцентристского дискурса в Иране. Взгляды и деятельность только одного поколения, а именно третьего, могут быть охарактеризованы как исламистские. Но с конца 1990-х гг. появляется четвертое поколение, которое уже нельзя определять термином «исламизм», это скорее постисламизм. Это поколение прислушивается к голосу разума (Rajaei 2007).

Йадуллах Шахибзадех (Shahibzadeh 2016: vii) считает, что постисламизм в Иране есть результат критического толкования исламизма и его последствий. Особое значение он придает тому, что новое толкование иранским лидером избирательных прав людей как нерушимых усиливает аргументы постисламистов и продемонстрирует настроенных сторонников конституционной формы правления в Иране (*Ibid.*: 235). Разумеется, это противоречит суждениям консерваторов у власти, которые уверяют, что, во-первых, конституция не может ослаблять позиции лидера как верховного арбитра в политических конфликтах внутри страны, во-вторых, эта же конституция утвердила Совет стражей конституции – единственный орган, имеющий толковательные функции (*Ibid.*). Но ведь и речь идет не о западной демократии, а об исламской.

Таким образом, в постисламизме мы видим заметную эволюцию исламизма в целом в магистральном (в общечеловеческом понимании) направлении, хотя и со значительной исламской спецификой.